

Проблема была в том, что эта дрянь приносила слишком огромную и легкую прибыль. Движимые жадной наживой, а также подстрекаемые некоторыми зарубежными силами, дельцы не останавливались, и как бы государство ни боролось с ними каждый год, искоренить это зло до конца никак не удавалось. Что еще страшнее, эта дрянь умела маскироваться: чуть ли не каждые два года появлялся новый вид наркотиков. Такие новинки было крайне трудно обнаружить, а медики, ничего о них не зная, могли лишь бороться с симптомами по мере их проявления. Если у наркомана случался приступ, спасти его в большинстве случаев уже не удавалось.

Каждый раз, получая сверху очередные брошюры и методички, полицейские хватались за голову. Однако именно благодаря этим материалам и инструкциям руководства сотрудники полицейского участка деревни Сяоцзинь, привыкшие к тихой и спокойной жизни, смогли сработать максимально грамотно и быстро, как только поступил вызов.

Наркоторговцы — люди крайне опасные и жестокие, так что медлить было нельзя. В участке деревни Сяоцзинь огнестрельного оружия не водилось, поэтому полицейские первым делом затребовали подкрепление у вышестоящего руководства. Тем временем начальник участка собрал всех имеющихся сотрудников и, вооружившись спецсредствами, лично повел оперативную группу к кирпичному домику.

Когда помощник Сяо Ли звонил в полицию, его голос звучал отнюдь не тихо — в нем слышалась отчаянная решимость человека, которому уже нечего терять. Было очень похоже на то, что его взяли в заложники.

Доклад из участка деревни Сяоцзинь произвел эффект разорвавшейся бомбы — точно капля воды, попавшая в кипящее масло. Новость мгновенно переполошила руководство уезда и поселка, к которому относилась деревня, и дошла даже до самого мэра города.

Не стоит винить местную полицию в излишней панике. В свое время в провинции Юэ целая деревня занималась производством наркотиков, причем их «крышей» выступал сам секретарь партиячейки. Чтобы накрыть то логово, пришлось задействовать огромные силы, и немало полицейских сложили свои головы.

Самое страшное в этом мире — это невежество и бесстрашие.

Из-за невежества появляется бесстрашие, а не ведая страха, человек готов дерзнуть на что угодно. В сельской местности таких людей особенно много. Деревни в любой стране остаются наиболее уязвимым звеном: уровень образования там обычно ниже, информация доходит с задержкой, и многих сельчан легко подбить на преступление или использовать ради чужой выгоды. К тому же в деревнях большинство жителей связаны родственными узами, и если что-то случается, они дружно покрывают друг друга, что создает немалые сложности для работы полиции.

После того случая сельская местность попала под особый контроль. Никто из начальников не хотел, чтобы в его районе выросла новая «наркодеревня», так что любые подозрительные симптомы старались выжигать в зародыше.

Однако едва закончилось экстренное совещание и отряд уголовного розыска приготовился к выезду, секретарь передал мэру телефон. Тот нахмурился, принял вызов и, обменявшись парой фраз с собеседником, вдруг изменился в лице — выражение его стало весьма странным.

— Что произошло? — задерживаясь в зале совещаний, спросил начальник уголовного розыска. Выражение лица мэра не предвещало ничего хорошего, и в голове полицейского мигом

пронеслась сотня худших сценариев, один мрачнее другого.

Но едва взгляд начальника угрозыска стал предельно суровым, мэр положил трубку и произнес:

— Это недоразумение.

— Недоразумение?! — нахмурился начальник угрозыска. — Разве местный уполномоченный не докладывал, что они там курят самокрутки с отравой? Какое тут может быть недоразумение?

— Кхм... — Мэр почувствовал себя неловко. — Ты ведь знаешь про «веточки»?

— Ну разумеется. Третье поколение, синтетические каннабиноиды. — Начальник угрозыска покрутил в руках ручку и нервно постучал ею по блокноту. Переживая за своих людей, он заметно нервничал. Потерев переносицу, он с трудом подавил раздражение и спросил: — Так что, жители деревни употребляли эти «веточки»?

— Да нет же. Они просто воскуряли благовония. А представитель сельсовета решил, что те курят «веточки» — ну, дым же идет, значит, курят. — Мэр закрыл свой блокнот с весьма неоднозначным выражением лица, не зная, смеяться ему или плакать.

— И как это можно было перепутать? — опешил начальник угрозыска. — Разница же огромная!

— Говорят, они зажгли их в курильнице. Помощник как раз пришел занести документы, дверь была открыта, вот он и заглянул. А у тех лица были ну слишком уж блаженные, да и атмосфера в комнате стояла довольно странная — вот он и сделал поспешные выводы. — Мэр усмехнулся. — А местная полиция проявила недюжинную отвагу: заглянули через забор, увидели, что помощник держится подальше от остальных, и махнули прямо через стену. В общем, сейчас они все находятся в участке.

Виновники этого недоразумения даже не подозревали, что их курьезный случай переполошил городской комитет. Впрочем, никакой гордости они от этого не испытывали. Ся Дунли восседал в допросной с абсолютно пустым выражением лица, чувствуя себя полностью опустошенным.

Когда Ся Дунли понял, что именно вообразил помощник Сяо Ли, он попытался все объяснить. Но как объяснишь свое полубессознательное, блаженное состояние? И как, спрашивается, оправдать то, что несколько человек, сидя вокруг стола с чашками воды в руках, с упоением вдыхают дым из одной курильницы?

Помощник Сяо Ли был человеком с богатым опытом работы в сельсовете. Заметив заминку и виноватый вид Ся Дунли, он тут же прижался спиной к двери и настойчиво призвал товарища Сяо Ся одуматься и встать на путь истинный.

Обстановка и впрямь располагала к подозрениям, так что Ся Дунли оставалось лишь оставить попытки оправдаться и надеяться, что вещественные доказательства подтвердят его невиновность.

Особой паники он не испытывал. Во-первых, хоть они и занимались ерундой, ничего противозаконного не совершали. Во-вторых, во дворе у Ся Дунли висела камера наблюдения, которая могла легко подтвердить: с гостями они виделись впервые в жизни, а сошлись исключительно из-за собак.

Он был всего лишь любящим хозяином, к которому зашли в гости после того, как чужой пес увязался за его собакой. Чего тут бояться? Поэтому, когда полицейские свалились как снег на голову, он даже сопротивляться не стал и послушно пошел за ними.

И все же для обычного гражданина процедура оказалась утомительной. Пройдя круг допроса, сдав кровь на анализ и предоставив видеозаписи с камеры через телефон, Ся Дунли чувствовал себя совершенно измотанным — и физически, и морально.

Он сидел на табуреточке без спинки и созерцал пустоту.

Интересно, как там Дами? Полицейские не разрешили взять собаку с собой, так что Дами и Цербер остались дома.

Разногласия между псами улеглись, к тому же они вместе ходили смотреть на щенка — по идее, драться больше не должны. Впрочем, если они снова сцепятся, не факт, что по возвращении дом вообще останется целым...

А еще щенок — он ведь еще не отнят от груди. Перед уходом Ся Дунли развел для него молочную смесь, но справится ли малыш сам? Если не умеет лакать, придется голодать... Хотя Дами должен научить его, правда? Их Сяомэ в свое время обучился лакать именно так.

А как там Сяомэ и Сяокан? Из-за внезапных гостей их заперли на весь день, бедняги, наверное, измаялись.

Ах да, еще Сяо Вань... Сяо Вань попадает в полицию уже во второй раз! Вот уж действительно невинно пострадал.

От таких мыслей Ся Дунли невзначай вздохнул.

Он окинул взглядом комнату, стараясь перевести увиденное в слова и запечатлеть в памяти — на случай, если в будущем пригодится для работы. Профессиональная привычка литератора, ничего не поделаешь.

В допросной не было ни окон, ни часов. Помещение казалось тесным и давящим, а лампа накаливания светила чересчур ярко. Похоже, задержанных намеренно лишали чувства времени — не зная, сколько прошло часов, человек быстро выдыхается.

К тому же при столь слепящем свете нормально не уснуть, а бессонница и усталость расшатывают психологическую защиту, облегчая допрос. Говорят, есть даже специальная методика допроса, основанная на лишении сна.

Вся мебель имела закругленные углы, а стены были обиты мягкими панелями — очевидно, чтобы предотвратить попытки самоповреждения.

Ся Дунли оглядел допросную снизу доверху и сверху донизу, пока ее трехмерная схема не запечатлелась в голове во всех деталях. Он чувствовал сильную усталость, но табуретка без спинки совершенно не располагала к отдыху.

Слегка зевнув, Ся Дунли поменял позу и снова погрузился в свои мысли.

Наконец, спустя неопределенное время, дверь допросной открылась, и вошли двое незнакомых полицейских. Один из них держал на поводке внушительного немецкого овчара в маленьком полицейском жилете — служебного пса.

Находясь при исполнении, пес смотрел внимательно и сосредоточенно. По команде кинолога он обошел Ся Дунли кругом, тщательно обнюхал его, после чего усадился на пол и молча уставился на проводника, показывая, что никаких подозрительных веществ не обнаружено.

<http://bllate.org/book/18144/1757697>